

DOI: 10.15643/libartrus-2021.4.3

О двух тенденциях в искусстве: от эстетики к онтоэстетике

© Н. Н. Ростова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Россия, 119991 г. Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4.

Email: nnrostova@yandex.ru

В статье анализируются две фундаментальные стратегии в современном искусстве. Первую тенденцию автор связывает с концептуализмом, вторую – с визуальным поворотом в культуре. Исследуя процессы в современной мысли, автор фиксирует параллелизм, который состоит, с одной стороны, в стирании границ между человеческим и нечеловеческим, а с другой – в ускользании границы между искусством и не-искусством. Автор показывает, что сегодня на место концепта в современном искусстве становится идеология постгуманизма. Крупнейшие арт-проекты, как в России, так и за рубежом, связаны с трансляцией идей антиантропоцентризма и конца исключительности человеческого существования. В то время как философия совершает эстетический поворот, в рамках которого появляются ресурсы для апологии нечеловеческого, искусство, разделяя те же позиции постгуманизма, совершает онтологический поворот. В статье отмечена критика онтоэстетики и указаны причины ее ограниченности. Визуальный поворот в культуре автор понимает в контексте цивилизационных сдвигов, когда на смену культуре, в основе которой лежит слово, приходит культура, в основе которой лежит образ. Анализируя причины кризиса вербальной культуры, автор показывает, что современное искусство, тяготея к дословному, преодолевает собственные пределы, ставя перед собой задачу создать новый миф. Вопреки кажущейся противоположности обеих тенденций в искусстве, автор показывает их драматическую взаимосвязь.

Ключевые слова: человек, современное искусство, постгуманизм, антиантропоцентризм, молчание, визуальный поворот, слово, знак, миф, мистерия.

Современное искусство задано двумя прямо противоположными телосами – концептуализмом и тем, что стоит назвать волей к безмолвию. Первый обязывает искусство быть нарративным, второй – встраивает его в так называемый визуальный поворот в культуре.

Концепты, как говорит Делез, это то, что появляется с необходимостью [2]. И это правда. Если нет внутренней нужды, вместо концепта мы получаем муляж, нечто безжизненное и неработающее. Сегодня эта творческая необходимость уступила магнетизму идеологии. Доминирующей идеологией современного искусства становится постгуманизм. Идеология постгуманизма в искусстве реализует себя, с одной стороны, как наследница дискурса телесности, аннулирующего бинарную логику и метафизические структуры. В этом случае мы наблюдаем попытку воспроизвести стиль визуального мышления Ф. Бэкона, А. Лентулова или, например, Л. Буржуа [8]. Как говорил Бэкон, художник пишет мясо [1]. Но мясо – это то третье, что упраздняет дуализм души и тела, обесмысливает идею второго плана. В контексте категории «мяса» сегодня, например, работают С. Ситкин, В. де Кунинг, Р. Белчин, К. Зукони или Б. де Брейкере. С другой стороны, т.е. в более современной модификации, идеология постгуманизма сегодня исполняется подручными средствами под наставничеством кураторов, транслирующих азы постгуманистической литературы. В России, например, уже несколько лет реализуется

междисциплинарный проект «Удел человеческий», концептуально расшатывающий представление о границе между человеческим и нечеловеческим. Той же логике следует проект сайнс-арта «Новая антропология» на платформе Музея науки Института физиологии им. И. П. Павлова в Колтушах или же выставка «Грядущий мир: экология как новая политика. 2030–2100». Выдвинув в качестве повестки дня проблемы экологии и биоэтики, энтузиасты от искусства отработывают идею антиантропоцентризма. Западные пионеры сайнс-арта, на которых равняются отечественные последователи и патронирующие их кураторы, не только работают в унисон с трансгуманистическими манифестами, но нередко опережают соответствующие старт-апы. Например, Орон Кэттс, художественный руководитель SymbioticA, впервые вырастил в лабораторных условиях мясо и организовал перформанс по его дегустации (2003 г.). В лучших французских традициях за столом, покрытым белоснежной скатертью, избранным гурманам от искусства был предложен стейк из культивированного лягушачьего мяса. Конечно, стейком это было сложно назвать, ибо результатом биоинженерных усилий оказался 6-граммовый кусочек мяса. Однако примечательно не это, а то, что трое из шести счастливиц не смогли перейти порог запретного и отказались есть искусственно выращенное угощение, что вдохновило художника на создание новой инсталляции. Продолжением исходного произведения «Бестелесное блюдо» стали «Останки бестелесного блюда». По мысли Орона Кэттса, его искусство выражает критику психопатологии контроля [3, с. 159]. Человек одержим идеей управления жизненными системами, которые тысячелетия существовали без него. Художник напоминает человеку о его периферийном статусе в этом мире.

В то время как постгуманистическая философия совершает эстетический поворот, эстетика совершает онтологический поворот, перерождаясь в «онтоэстетику». Эти процессы не просто зеркальные, но закономерные и взаимодополняемые. Суть эстетического поворота в философии состоит в том, что истиной философии объявляется не метафизика, онтология или, например, феноменология, а эстетика. Философия отныне – это эстетика [6]. Между ними поставлен знак равенства. Почему эстетике отдано предпочтение? Потому что эстетика оказывается тем инструментом, который эмансипирует человеческое от человека посредством эмансипации искусства от человека. Искусство перестает пониматься как привилегированная сфера человека и одновременно как локальная сфера культуры. Следуя эстетическому повороту, мы должны признать тотальную эстетизацию мира по ту сторону человека и музейных пространств. В рамках постгуманистической парадигмы мышления появляются проекты так называемых плоских онтологий, темных онтологий и экологий, предполагающих отказ от уникального права человека на метафизическое расширение мира и его удваивание. Темные онтологии темны, поскольку зиждутся на идее странности вещей, их неочевидной глубины [4]. Не чужая душа – потемки, но отныне мир темен и метафоричен. Он темен не как бесконечность по отношению к конечному уму человека, но как калейдоскоп частей целого, т.е. внутри самого себя. Субъектами метафоричного восприятия становятся нечеловеческие агенты, непостижимые друг для друга. Эстетическая оптика экстраполируется на мир, позволяя говорить о неуловимости и непредсказуемости вещей, их принципиальной неисчерпаемости вне зависимости от восприятия и воображения человека, доопределения им символов. Суть онтоэстетики, или онтологического поворота в искусстве, состоит в том, что истиной искусства объявляется онтология. Онтология нивелирует эстетику, позволяя говорить о свободе видимого от видящего, слышимого от слышащего, утверждая принципиальную производность видящего и слышащего. Видящий и слышащий оказываются случайным эффектом

сборки онтологических конфигураций. В этом случае искусство может прямо апеллировать к ООО или делезианской философии. Постделезианскому мейнстриму в искусстве противостоят робкие попытки художников защитить автономию антропологической сферы. Например, Брайан Кейн идее первичности аффекта по отношению к сознанию пытается противопоставить идею первичности культуры, которая позволяет человеку видеть, слышать и в целом воспринимать [7]. Эти попытки робкие, ибо категория культуры оказывается слепым пятном защищаемой позиции.

Онтология объявляет себя эстетикой, эстетика объявляет себя онтологией. Идея тотальной эстетизации мира зеркалирует идею тотальной онтологизации искусства. В обоих случаях искусство начинает пониматься как сфера нечеловеческого, как пространство активности нечеловеческих вещей, которые воздействуют на человека и ставят, тем самым, под вопрос право человека на человечность.

Пытаясь отыскать истину в самом себе по ту сторону концептов, искусство провозглашает волю к безмолвию, подводя черту под исчерпавшей себя цивилизацией, озаглавленной фразой «В начале было Слово». Визуальный поворот в культуре – это не включение в сферу исследования бытования визуальных артефактов в культуре, не расширение предметов визуального техническими новинками, не пересмотр гуманитарного знания, но указание на фундаментальный цивилизационный сдвиг. На смену слову отныне приходит тишина. Как говорит В. Мартынов, тишина, пустота – это неплохо, это исихия [5]. Почему это не плохо? Потому что это не конец, а начало, не истление, но зарождение нового мира посредством учреждения нового мифа. Старый мир должен умереть, сгореть для того, чтобы появился мир новый. Как у Хлебникова, который писал:

И когда земной шар, выгорев,
Станет строже и спросит: «Кто же я?» –
Мы создадим «Слово о полку Игореве»
Или же что-нибудь на него похожее.

Молчание, художество, пустота – это уже не эстетические, поэтические или философские категории, но бытийственные. В молчании зарождаются новая цивилизация и новый человек. Если современная русская мысль, обращаясь к идее безмолвия, видит свою связь с исихазмом и русским авангардом (В. Мартынов, С. Хоружий, С. Смирнов, Ф. Гиренок), то западная мысль ищет источник обновления в религии «Нового века».

Кризис вербальной культуры заключается в том, что знаки не обеспечены смыслом, а язык не предполагает сознания. Слово убивает реальность, переключая человека из режима пребывания в бытии в режим наблюдения за ним. Язык предполагает линейность времени, в которой разворачивается цепочка знаков, отсылающих друг к другу в перспективе бесконечности. Слово в отличие от образа описывает реальность, всегда имея дело с частью и никогда – с целым. Языку недоступно несказанное, а потому в пределе своем он всегда метафоричен и устремлен к апофатике. В конечном счете, воля к безмолвию современной культуры, апология дословного обнаруживают тоску по тотальности смысла и жажду новой мистерии. Парадокс этой тоски состоит в том, что современное искусство не способно породить миф и по-прежнему остается концептуальным. Чтобы породить миф, необходимо учреждение символического пространства «мы» и отказ от категории автора, однако современное искусство ограничивается лишь декларативным утверждением того и другого, но не имеет внутреннего ресурса исполнить эти условия. Обе тенденции современного искусства, на первый взгляд

противоположные, указывают на его трагическую двойственность, в чем мы лишней раз убеждаемся, обращаясь, прежде всего, к творчеству теоретиков эпохи нового молчания (В. Мартынова, П. Гринуэя, Дж. Джармуша, Б. Виолы и др.), в котором переплелись порыв к безмолвию и концептуализм.

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №210578).

Литература

1. Делез Ж. *Фрэнсис Бэкон: Логика ощущения*. СПб.: Machina, **2011**. 176 с.
2. Делез Ж. Что такое акт творения? URL: <https://monocler.ru/zhil-delyoz-cto-takoe-akt-tvoreniya/>.
3. Климан Дж. *Секс без людей, мясо без животных. Кто проектирует мир будущего*. М.: Индивидуум, **2020**. 336 с.
4. Мортон Т. *Стать экологичным*. М.: Ад Маргинем Пресс, **2019**. 240 с.
5. Садых-заде Г. Интервью с В. Мартыновым «Всем нам надо купить в обреченном мире кусок земли». URL: https://www.colta.ru/articles/music_classic/25708-vladimir-martynov-intervyu-voronezhskaya-kamerata-konets-sveta.
6. Харман Г. За эстетикой – будущее философии. URL: <https://www.colta.ru/articles/art/12175-grem-harman-za-estetikoy-budushee-filosofii>.
7. Kane B. Sound Studies without Auditory Culture: A Critique of the Ontological Turn // *Sound Studies*. **2015**. Vol. 1. No. 1. Pp. 2–21.
8. Rostova N. N. Immanentizm in Art // *European Journal of Philosophical Research*. **2015**. Vol. 4. No. 2. Pp. 90–96.

Поступила в редакцию 26.06.2021 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2021.4.3

About two trends in art: from aesthetics to onto-aesthetics

© N. N. Rostova

*Lomonosov Moscow State University
Building 4, 27 Lomonosovsky Avenue, 119991 Moscow, Russia.*

Email: nnrostova@yandex.ru

The article analyzes two fundamental strategies in contemporary art. The author connects the first trend with conceptualism, the second-with the visual turn in culture. Exploring the processes in modern thought, the author captures the parallelism, which consists, on the one hand, in the blurring of the boundaries between the human and non-human, and on the other hand, in the eluding of the boundary between art and non-art. The author shows that today the ideology of posthumanism is taking the place of the concept in contemporary art. The largest art projects, both in Russia and abroad, are associated with the translation of the ideas of anti-anthropocentrism and the end of the exclusivity of human existence. While philosophy makes an aesthetic turn, within the framework of which there are resources for the apology of the non-human, art, sharing the same positions of posthumanism, makes an ontological turn. The article notes the criticism of onto-aesthetics and points out the reasons for its limitations. The author understands the visual turn in culture in the context of civilizational shifts, when the culture based on the word is replaced by the culture based on the image. Analyzing the causes of the crisis of verbal culture, the author shows that modern art, tending to the pre-language, overcomes its own limits, setting itself the task of creating a new myth. Despite the apparent opposition of both trends in art, the author shows their dramatic relationship.

Keywords: human, contemporary art, posthumanism, anti-anthropocentrism, silence, visual turn, word, sign, myth, mystery.

Acknowledgements. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No. 210578).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Rostova N. N. About two trends in art: from aesthetics to onto-aesthetics // *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 4. Pp. 249–253.

References

1. Deleuze G. *Frensis Bekon: Logika oshchushcheniya [Francis Bacon: The logic of sensation]*. Saint Petersburg: Machina, 2011.
2. Deleuze G. Chto takoe akt tvoreniya? URL: <https://monocler.ru/zhil-delyoz-cto-takoe-akt-tvoreniya/>.
3. Kleeman J. Seks bez lyudei, myaso bez zhivotnykh. Kto proektiruet mir budushchego [*Sex robots and vegan meat*]. Moscow: Individuum, 2020.
4. Morton T. *Stat' ekologichnym [Being ecoogical]*. Moscow: Ad Marginem Press, 2019.
5. Sadykh-zade G. Interv'yu s V. Martynovym «Vsem nam nado kupit' v obrechennom mire kusok zemli». URL: https://www.colta.ru/articles/music_classic/25708-vladimir-martynov-intervyu-voronezhskaya-kamerata-konets-sveta.
6. Harman G. Za estetikoï – budushchee filosofii. URL: <https://www.colta.ru/articles/art/12175-grem-harman-za-estetikoy-buduschee-filosofii>.
7. Kane B. *Sound Studies*. 2015. Vol. 1. No. 1. Pp. 2–21.
8. Rostova N. N. *European Journal of Philosophical Research*. 2015. Vol. 4. No. 2. Pp. 90–96.

Received 26.06.2021.